
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

ПСИХОЛОГИЯ ВЫБОРА. ЧАСТЬ II. ЛИЧНОСТНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ЛИЧНОСТНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЫБОРА¹

© 2014 г. Д. А. Леонтьев

Доктор психологических наук, профессор факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заведующий Международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации НИУ ВШЭ, Москва

Статья продолжает теоретический анализ современного состояния проблемы выбора в психологии. В ней анализируется соотношение выбора и личности в двух аспектах: влияние экзистенциального выбора на трансформации личности и влияние психологических характеристик личности на возможности осуществления выбора и его качество. С опорой на идеи С. Кьеркегора и В.А. Лефевра обосновывается самодетерминируемый характер процессов экзистенциального выбора, не поддающийся причинному объяснению и не выводимый из индивидуально-психологических особенностей. Представлен подробный анализ экзистенциального выбора, опирающийся на понятия возможности, ответственности и цены. В заключение предложенная модель выбора вписывается в контекст авторской концепции личностного потенциала; вводится понятие готовности к выбору как интегральной личностной предпосылки, обеспечивающей возможность полноценной деятельности выбора.

Ключевые слова: выбор, личность, ответственность, свобода, цена, экзистенциальный расчет, конструирование, личностный потенциал.

В предыдущей статье, посвященной теоретическому рассмотрению выбора, мы сконцентрировались на общем понимании выбора как внутренней деятельности, соотношении между выбором и принятием решения, а также на социокультурных механизмах конструирования выбора и дискуссии об универсальности либо культурной детерминированности выбора. Было обосновано, в частности, понимание выбора как внутренней деятельности, которая может принимать различные формы. По ситуации выбора мы различаем простой выбор, при котором заданы и альтернативы, и критерии сравнения; смысловой выбор, при котором альтернативы заданы, а критерии сравнения предстоит выработать; экзистенциальный выбор, при котором не заданы не только критерии сравнения, но даже альтернативы. По уровню деятельности выбора мы различаем произвольный автоматизированный выбор, не осознаваемый как таковой, субъективно безальтернативный и осуществляющийся под влиянием социокультурных “настроек по умолчанию”; произвольный выбор, разворачивающийся

в аналитическую деятельность, завершающуюся не только принятием решения, но и принятием ответственности за его осуществление; наконец, постпроизвольный выбор, делающийся, как и непроизвольный выбор, очень быстро и в свернутой форме, однако в отличие от него не шаблонный, а предполагающий длительную предысторию выработки смысловых оснований, благодаря которым актуальный сложный выбор делается быстро, создавая впечатление бездумности.

В данной статье мы обращаемся к соотношению выбора и личности, в частности, к вкладу особенностей личности в протекание выбора и, наоборот, к вкладу выбора в личность, уделяя особое внимание экзистенциальным, причинно не детерминированным аспектам работы выбора.

С. КЬЕРКЕГОР: УКОРЕНЕННОСТЬ ВЫБОРА В ЛИЧНОСТИ

В Новое время первый детальный анализ проблемы выбора в науках о человеке был сделан более полутора столетия тому назад Сереном Кьеркегором в одной из его главных книг “Или – или”, которая на русском языке издавалась под

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-36-01050).

названием “Наслаждение и долг” [6]. За прошедшее с тех пор время о выборе было написано очень мало того, что можно поставить рядом с этим глубоким и блестящим анализом. Характерно, что в нем на передний план выступает иррациональный характер выбора, его несводимость к процессам оценки и взвешивания альтернатив. Кьеркегор задает экзистенциальный ракурс рассмотрения выбора не как отдельного психического акта или рационального решения, а как ситуации, в которую оказывается неминуемо вовлечена личность в целом. Выбор или уход от него имеют последствия для всей жизни человека и для его Я, последствия, существенно выходящие за рамки того порой частного вопроса, который является предметом решения. “Выбор сам по себе имеет решающее значение для внутреннего содержания личности: делая выбор, она вся наполняется выбранным, если же она не выбирает, то чахнет и гибнет” [6, с. 234]. Смысл выбора, таким образом, оказывается заметно шире самой ситуации выбора; он не только в сути ответа на вопрос, в принимаемом по конкретному поводу решении, но и в том, как именно личность включается в нахождение ответа, каким путем этот ответ получен.

«Выбираемое находится в самой тесной связи с выбирающим, – говорит далее Кьеркегор, – и в то самое время, когда перед человеком стоит жизненная дилемма: *или – или*, самая жизнь продолжает ведь увлекать его по своему течению, так что чем более он будет медлить с решением вопроса о выборе, тем труднее и сложнее становится этот последний, несмотря на неустанную деятельность мышления, посредством которого человек надеется яснее и определеннее разграничить понятия, разделенные “или – или”... Внутреннее движение личности не оставляет времени на эксперименты мысли» [там же, с. 235]. Здесь Кьеркегор подчеркивает, что мы решаем проблему выбора не как интеллектуальную задачу: мы вовлечены в поток, который несет нас по своим законам, и именно выбор является залогом возможности сойти с этой траектории. И если человек «забудет принять в расчет обычный ход жизни, то наступит наконец минута, когда более и речи быть не может о выборе, не потому, что последний сделан, а потому, что пропущен момент для него, иначе говоря – за человека выбрала сама жизнь, и он потерял себя самого, свое “я”» [там же].

Кьеркегор подчеркивает динамичность выбора. Минута выбора очень важна – говорит он, потому что “в следующую минуту я буду уже не так свободен выбирать, поскольку успею уже пережить

кое-что, и это-то пережитое затормозит мне обратный путь к точке выбора. Если кто думает, что можно хоть на мгновение отрешиться от своей личности или возможно действительно приостановить жизнедеятельность личности, тот жестоко ошибается. Личность склоняется в ту или другую сторону еще раньше, чем выбор совершился фактически, и если человек откладывает его, выбор этот делается сам собою, помимо воли и сознания человека, под влиянием темных сил человеческой природы” [там же, с. 236].

Кьеркегор различает два вида выбора, которые он связывает с двумя описанными им типами личности: эстетическим и этическим. В первом случае это непосредственный выбор на основе вкусов и предпочтений в духе пословицы “Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше”. Сам выбор обусловлен особенностями сравниваемых альтернатив, и потому сравнительно предсказуем, но вместе с тем ситуативен и легко может смениться другим. “Так, если молодая девушка следует выбору сердца, то как бы ни был прекрасен этот выбор, его нельзя назвать истинным выбором: он совершается непосредственно” [там же, с. 239]. В этическом выборе сам акт выбора, его качество имеет решающее значение: важно не столько то, что выбирается, сколько то, как. В нем “личность проявляет всю свою силу и укрепляет свою индивидуальность, и, в случае неправильного выбора, эта же самая энергия поможет ей прийти к осознанию своей ошибки” [там же]. Человеку свойственно ошибаться: мы ошибаемся и исправляем наши ошибки. Но исправить наши ошибки мы можем только в том случае, если признаем ответственность за наш выбор.

Само состояние подлинного (этического) выбора является благотворным для человека вне зависимости от того, что именно выбрано. “Эту минуту можно сравнить с торжественной минутой посвящения оруженосца в рыцари – душа человека как бы получает удар свыше, облагораживается и делается достойной вечности. И удар этот не изменяет человека, не превращает его в другое существо, но лишь пробуждает и конденсирует его сознание, и этим заставляет человека стать самим собой” [6, с. 252]. Человек становится самим собой, осознавая себя как выбирающего. Через пробуждение сознания в акте выбора он пробуждается, “собирает себя” [24]. Таким образом, для Кьеркегора выбор – это не техническая операция, служащая решению ситуативной задачи, а то, что обладает высочайшей ценностью само по себе. “Решись только на выбор, и ты сам увидишь, –

говорит Кьеркегор, – что это единственное средство сделать жизнь действительно прекрасной, единственное средство спасти себя и свою душу, обрести весь мир и пользоваться его благами без злоупотребления” [6, с. 253]. Речь, конечно, идет именно об этическом выборе, основание которого в свободном решении личности, но не о непосредственном, эстетическом выборе. “Непосредственность, как цепь, привязывала человека ко всему земному, теперь же дух стремится уяснить себя самого и извлечь человеческую личность из этой зависимости, чтобы она могла сознать себя в своем вечном значении” [там же, с. 266].

Разрыв этой зависимости Кьеркегор прямо связывает с принятием ответственности за себя и выборе себя самого, который перерождает человека. “Выбор сделан, и человек обрел себя самого, овладел самим собою, т.е. стал свободной сознательной личностью, которой и открывается абсолютное различие – или познание – добра и зла. Пока человек не выбрал себя самого, различие это скрыто от него” [там же, с. 305–306]. Эстетик, по Кьеркегору, сам себя не выбирает: “пока человек живет исключительно эстетической жизнью, вся его личность – плод случайности” [там же, с. 339], а его жизненной задачей становится “культивирование своей случайной индивидуальности во всей ее парадоксальности и неправильности” [там же, с. 340]. Жизненной же задачей этика «становится он сам: он стремится к облагораживанию, урегулированию, образованию, всестороннему развитию своего “я”, иначе говоря – к равновесию и гармонии души, являющейся плодом личного самоусовершенствования. Жизненной целью такого человека становится также он сам, его собственное “я”, но не произвольное или случайное, а определенное, обусловливаемое его собственным выбором, сделавшим его жизненной задачей – его самого во всей его конкретности» [там же, с. 341].

Интересную трактовку этой же мысли предлагает Ш. Иенгар, констатируя, что мы находим себя в эволюции процесса выбора, а не просто его результатов [37, с. 110]. “Можно сказать, что мы стремимся прийти в состояние гомеостаза с помощью петли обратной связи между идентичностью и выбором: Если я таков, то я должен выбрать это; если я выбираю это, то я, по-видимому, таков” [там же, с. 109]. Т.В. Корнилова с соавторами, также в согласии с этим, констатируют, что в актах выбора человек ориентируется не только на предвосхищения исходов в развитии ситуации, но и на то, кем он станет в результате своего выбора [8], однако подробнее эту мысль не развивают.

В художественной литературе и кино предложено немало убедительных иллюстраций того, как сделанный в критической ситуации выбор трансформирует личность в целом. В их числе “Фауст” Гете, “Преступление и наказание” Достоевского, фильм Вуди Аллена “Мечты Кассандры”.

Во всех этих примерах речь идет, на наш взгляд, о том, что личностный выбор не только разрешает неопределенность, но и служит выходом из точки бифуркации. В пороговом состоянии физической системы нельзя предсказать, “какая именно новая форма равновесия будет реализована.... Будущая реализация зависит от случайных воздействий” [27, с. 32]. Вмешательство личности также непредсказуемо, однако вместе с тем неслучайно. Именно экзистенциальный выбор вносит непредопределенную неслучайность в развитие системы деятельности в пороговых состояниях.

В.А. ЛЕФЕВР: ЛОГИКА СВОБОДНОГО ВЫБОРА

Оригинальную и крайне эвристичную модель свободного выбора, перекликающуюся с экзистенциальными взглядами С. Кьеркегора, предложил В.А. Лефевр в своей известной работе “Алгебра совести”, впервые вышедшей в 1982 г. [21], развив ее в более поздних работах [22]. Предметом анализа у Лефевра выступает свободный выбор, который субъект может делать при определенных условиях. В качестве одной из априорных предпосылок своего подхода Лефевр формулирует принцип, очень близкий выводам С. Кьеркегора, а именно: “Живое существо стремится генерировать такую линию поведения, при которой устанавливается и сохраняется отношение подобия между ним и его моделью себя” [21, с. 29]. Этот принцип, названный им принципом саморефлексии, он прямо противопоставляет более общепринятому принципу рациональности, предполагающему, что субъект стремится вести себя так, чтобы получить как можно больше или потерять как можно меньше ценного для него продукта. Введение этого принципа помогает понять некоторые ситуации нравственного вызова, которые часто характеризуются как ситуации, в которых нет выбора. Действительно, только одна альтернатива в таких ситуациях позволяет субъекту сохранить свой образ себя, самоуважение, или даже повысить его, в то время как возможное альтернативное поведение приведет к его утрате, что не измеримо в понятиях утилитарной рациональности – просто субъект станет после этого другим человеком, пройдет своеобразную

“негативную инициацию”, пусть даже получив в результате много утилитарных благ.

Модель Лефевра включает еще несколько допущений. Во-первых, в ней рассматривается выбор между двумя полярными альтернативами, олицетворяющими для субъекта добро и зло. Во-вторых, субъекту приписываются потенциально неограниченные интенции (возможные намерения что-то совершить), которые не всегда воплощаются в реальном действии. Определенные условия опосредуют трансформацию части интенций в практическую готовность совершить соответствующее действие. В-третьих, субъект способен к осознанию.

Эти условия Лефевр описывает на языке булевой алгебры с помощью формулы:

$$A_1 = f(a_1, a_2, W) \text{ [21, с. 189].}$$

Переменная A_1 отражает готовность субъекта выбрать добро или зло.

Переменная a_1 представляет настоящее и принимает значение 1, если мир склоняет субъекта к позитивному выбору, и 0, если к негативному.

Переменная a_2 представляет прошлое – обобщенный опыт, говорящий субъекту, что мир был для него позитивен (1) или негативен (0).

Переменная W представляет будущее – веру субъекта, что мир будет позитивен (1) или негативен (0).

В более позднем варианте модели свободного выбора [22, с. 167] В.А. Лефевр дает несколько иную трактовку той же формулы:

$$X_1 = f(x_1, x_2, x_3).$$

Трактовка переменных X_1 и x_1 существенно не отличается от трактовки переменных A_1 и a_1 в первой версии формулы. Переменная x_2 трактуется как представления субъекта о характере давления мира, считает ли он, что мир толкает его к добру (1) или к злу (0). Наконец, переменная x_3 описывает интенцию субъекта, его добрые или злые намерения, которые, как известно, далеко не всегда воплощаются в соответствующие им поступки. Лефевр предполагает, что существует хотя бы один вариант значений переменных x_1 и x_2 , при котором $X_1 = x_3$, то есть любая интенция субъекта автоматически превращается в его готовность. Уравнения булевой алгебры позволяют найти такое решение: это условие выполняется при $x_1 = 0$ и $x_2 = 0$, то есть если мир склоняет субъекта выбирать негативный полюс, и субъект знает об этом, тогда его выбор будет свободным, то есть любая его интенция превращается в готовность. Парадоксальным образом свобода

выбора может реализовываться таким образом лишь в условиях осознанного противостояния негативному давлению мира; позитивное давление мира не оставляет пространства для свободного выбора. В более ранней и несколько менее строгой формулировке Лефевр выражает это так: “Мир способен заставить любого человека не поддаться искушению. Однако если мир сам есть источник искушения, человек может противостоять ему лишь при условии, что самая мысль, что он поддается искушению, ужасает его” [22, с. 3]. Дальнейший анализ показывает логическую несовместимость свободы выбора с утилитарной полезностью [22, с. 182]. Логические формулы В.А. Лефевра ставят серьезные вопросы перед психологическими исследованиями, показывая ограниченность когнитивных моделей выбора и приводя к пониманию принципиально неадаптивной, надутилитарной природы человеческой субъектности, которая нигде не проявляется так, как в выборе. «Открывающаяся индивиду перспектива неизведанного должна содержать в себе вызов, отвечая на который, индивид производит (или как мы предпочли говорить выше – полагает) себя как субъект. Мы, таким образом, приходим к принципу активной неадаптивности. Защищая себя как субъект, индивид стремится предпринять непредрешированное – действует наперекор обстоятельствам, на свой страх и риск ставя перед собой цель выявить свое скрытое под спудом других побуждений качество субъектности как таковой – быть причиной себя (“*causa sui*”))» [30, с. 501; см. также 29].

Строгий подход В. Лефевра на языке математической логики показывает не только саму возможность свободного выбора, но и возможность его лишь при определенных условиях, причем эти условия определяются не оптимизацией принятия решения, а соотношением силовых линий, исходящих из интенций субъекта и из влияний на него окружающих обстоятельств. Таким образом, решающими для определения возможности самодетерминированного выбора являются не когнитивные контексты, а экзистенциальные.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВЫБОРА: ЛИЧНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Именно в ситуации экзистенциального выбора, что в частности, показывает и модель В.А. Лефевра, обнаруживается то, что окончательно и бесповоротно выводит проблематику выбора за пределы когнитивного подхода: то, что мы обнаруживаем как правильное решение, не совпа-

дает с тем, что мы на самом деле осуществляем. Переход от принятия решения, от формирования цели к её реализации – одна из главных загадок человеческой психологии.

Когда определилась цель, есть мотив, есть решение, мы точно знаем, что надо делать, но мы этого ещё не делаем. У. Джеймс [2] приводил для иллюстрации действия воли ситуацию, когда мы зимним утром никак не можем встать из тёплой кровати: никак не можем себя заставить, но в какой-то момент обнаруживаем себя вставшими. Этот момент перехода от решения в отношении дальнейших действий к их непосредственному выполнению в психологии прописан в “модели Рубикона” Х. Хекхаузена, Ю. Куля и П. Голвитцера [33, гл. 6]. Переход речки Рубикон не представляет сложности физически, однако меняет направление истории. Х. Хекхаузен проницательно пытался ввести в академическую психологию экзистенциальные по своей сути идеи. Ведь момент перехода от уже принятого решения к началу его реализации абсолютно ничем не детерминирован, необъясним с точки зрения традиционной научной психологии. Именно этот переход, а не принятое решение или поставленная цель, является средоточием процесса выбора.

Суть этого перехода видится в акте внутреннего принятия на себя *ответственности* за осуществление выбора [12]. Пока это не произошло, принятое решение еще изолировано от действия, не стало реальной движущей силой. Именно принятие ответственности и является переходом Рубикона, связывает между собой две плоскости – плоскость сознания, целеполагания и принятия решений и плоскость практики, бытия в мире. При этом цель может быть выработана самим субъектом, а может быть задана извне, быть чужой, – в любом случае субъект должен принять ответственность за её реализацию. Только тогда она становится фактором, который определяет его действия. “Если выбор соотносится с возможностью, то он соотносится и с ответственностью” [37, с. 111–112].

Ответственность – это, в первом приближении, субъективная причинность (см. подробнее [11]). Ощущение мною ответственности за что-то означает, что я ощущаю себя основной и главной причиной этих событий. Я несу ответственность в той мере, в какой я могу быть причиной, отвечаю только за то, причиной чего я являюсь, в противном случае я не могу за это отвечать. Причиной многих негативных явлений в новейшей истории нашей страны служит катастрофический разрыв связи между полномочиями принимать далеко идущие решения и ответственностью за них.

Именно измерение ответственности является главным, что отличает выбор от принятия решения. В подавляющем большинстве ситуаций выбор, если он не является простым, нельзя оптимизировать. Пытаясь принять идеальное решение, как мы можем знать, какое решение будет наилучшим? “Человеческая жизнь совершается лишь однажды, и потому мы никогда не сможем определить, какое из наших решений было правильным, а какое – ложным. В данной ситуации мы можем решить только один-единственный раз, и нам не дано никакой второй, третьей, четвертой жизни, чтобы иметь возможность сопоставить различные решения” [9, с. 250]. В реальной жизненной ситуации невозможно определить, какое действие приведёт к наилучшим последствиям. Мы можем сказать, было ли принятое решение хорошим или плохим с точки зрения удовлетворенности им, но не можем сказать, было ли оно лучшим или худшим – ведь даже хорошее по своим последствиям решение может быть отнюдь не лучшим, а плохое – меньшим из зол. Не редкость и выборы между плохим и очень плохим.

Итак, принимая на себя ответственность за совершаемый выбор, мы отказываемся от иллюзии существования объективных критериев его правильности, которые надо только определить. Понятие правильности тем самым оказывается вообще неприменимо к экзистенциальному выбору, как и к смысловому выбору, который также несводим к расчетной задаче на оптимизацию. Можно обозначить понятием *личный, или ответственный выбор* тот, который сопровождается принятием личной ответственности за него и возможного риска, и *безличный выбор* – тот, который субъект воспринимает как объективно правильный, не принимая на себя риск ошибки. Смысл личной ответственности состоит в необходимости принять тот факт, что результаты могут оказаться не такими, как мы их запланировали. Необходимость ответственности обусловлена возможным и в некотором смысле даже неизбежным несовпадением между запланированными действиями и результатами. Если выбор носил безличный характер, то расхождение реальности с ожиданиями породит либо малопродуктивные самообвинения в ошибке при “решении задачи”, либо еще более непродуктивные обвинения в адрес других, повлиявших на принятие решения. Субъект, сделавший личный выбор, не будет воспринимать его нежелательные последствия как сигнал о неудаче или ошибке и будет продолжать двигаться в направлении реализации своих целей, внося необходимые коррективы и решая возникающие проблемы.

Ответственность за выбор тесно связана с его необратимостью, невозможностью “переиграть”. В ситуации осознаваемой необратимости совершаемого выбора мы сталкиваемся с проблемой ответственности лицом к лицу и оказываемся порой более чутки к ее зову, чем тогда, когда мы тешим себя иллюзией, что хороший выбор можно будет сделать “потом”. Это было показано в остроумном эксперименте [39]. Студентам в рамках участия в эксперименте предлагалось выбрать фильм для домашнего просмотра. “Хорошим” выбором исследователи считали фильмы, которые, по собственным описаниям студентов, “заставляют думать, повышают культурный уровень, приносят пользу, даже если требуют усилий”, например “Список Шиндлера”. К “дурному” выбору относили фильмы, смотреть которые “хочется больше, но на самом деле это глупость и вызывает чувство вины”, например комедия “Тупой и еще тупее”. Одной части студентов предложили выбрать фильм для просмотра один раз, а другой сообщили, что эксперимент продлится две недели, и у них будет еще одна возможность выбрать себе фильм. Вопреки тому, что предполагали исследователи вначале, в первом случае студенты чаще делали “хороший” выбор, чем во втором: необратимость пусть даже не очень существенного выбора пробуждала ответственность за его качество.

Ситуация выбора неизбежно включает риск. Готовность к риску – это не только определённые индивидуальные особенности человека [7], это онтологическая характеристика принятия нами решений. Мы не можем действовать без риска, он всегда присутствует, уже в силу того, что будущее предвидеть не дано. Очень часто люди планируют будущее и затем успешно реализуют эти планы, и, конечно же, наличие риска не означает, что надо отказываться от попыток что-то планировать и действовать в соответствии с планами. Можно и нужно планировать будущее и проектировать себя в нем, при этом осознавая ограниченность возможностей нашего прогноза и принимая риск неопределённости и ответственность за то, что всё может оказаться не таким, как мы планируем сейчас, будучи готовым к тому, что любые планы могут нарушиться. “Выбирать означает повернуться лицом к будущему. Это значит пытаться заглянуть в следующий час, следующий год или еще дальше и принять решение, основываясь на том, что мы увидим. В этом смысле мы все пророки-любители” [37, с. 260]. Выбор, отмечает Ш. Иенгар, позволяет нам быть архитекторами нашего будущего [там же, с. 270].

ЦЕНА ВЫБОРА И ОСНОВАНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАСЧЕТА

Еще одним фундаментальным фактом является то, что при любом выборе мы рассчитываем что-то приобрести и одновременно чего-то лишаемся. Большинство людей именно по этой причине амбивалентно относятся к ситуациям необходимого выбора [34]. Эта необходимость порождает отрицательные эмоции и стремление уйти от выбора, продлить ситуацию в надежде на то, что все утрясется само собой. Однако, как отмечала Н.Ф. Наумова [28], одной из принципиальных характеристик выбора является время, которое всегда ограничено. Выбор всегда происходит в некотором хронотопе, и если субъект выходит за его временные рамки, неопределенность все равно разрешается, и утрата определенных возможностей происходит, но уже помимо контроля со стороны субъекта.

Действительно, устранение неопределенности, предпочтение одной из альтернатив одновременно означает отказ от остальных. Выбрав, в какой вуз поступить, с каким партнером заключить брак, где работать, мы, по крайней мере на какое-то время, закрываем для себя возможности учиться в другом вузе, жить с другим партнером, работать в другом месте. Если мы вложим все душевные ресурсы и жизненную энергию в какую-либо цель, даже очень высокую и нерядовую, мы имеем шансы при некотором везении добиться успеха, но если мы попытаемся одновременно “погнаться за двумя зайцами”, неудача гарантирована: в этом мире есть шанс добиться чего угодно, но не всего одновременно. Даже масштаб жизни в целом задает ограничения на то содержание, которое удастся в нее вместить: кризис среднего возраста во многом сводится как раз к осознанию необходимости отказа от части целей, потому что в оставшуюся часть жизни реализовать все “отложенные на потом” мечты и планы уже не удастся. Таким образом, наряду с принятием ответственности вторым неотъемлемым экзистенциальным компонентом выбора является *цена*, которую приходится платить за выбранную альтернативу и которая складывается из утраты отвергнутых возможностей и неизбежных или вероятных нежелательных последствий выбранного.

Как и в экономике, приемлемость цены, уплачиваемой за любое благо, определяется согласием заплатить ее, причем рациональные соображения играют здесь лишь вспомогательную роль. Иногда легче согласиться заплатить больше, чем меньше; однако, в любом случае, удовлетворен-

ность сделкой будет определяться мерой внутреннего согласия добровольно заплатить данную конкретную цену, причем ожидаемая цена не должна расходиться с фактической. При этом любое разрешение неопределенности связано с какими-то потерями и, соответственно, ценой, даже в том случае, если отсутствуют осознание и принятие этой цены. Свою цену имеет и отказ от принятия решения – это специфический выбор, имеющий свои последствия, выбор передачи разрешения ситуации под контроль внешних сил или случайности.

Осознание цены и внутренняя готовность ее заплатить присутствуют в полной мере только в ситуации личного выбора, в которой сама цена выступает как свободное добровольное решение поступиться чем-то субъективно менее ценным ради более ценного. При безличном выборе иллюзия существования “правильного решения” снимает вопрос о цене: если выбор сделан “правильно”, значит, ничем особенно поступаться не придется, и последствия должны быть определено благоприятными. Однако при личном выборе удовлетворенность им и его качество в целом зависят от того, насколько полно и адекватно субъект представляет себе цену выбора в момент его совершения. Нередки случаи, когда то или иное решение влечет за собой больше непредвиденных и часто неблагоприятных последствий, чем предвиденных, и итоговая цена оказывается намного больше, чем предполагалось вначале. В этом случае даже при принятии на себя полной ответственности за свой выбор трудно ожидать большой удовлетворенности им.

Для анализа ситуации выбора под углом зрения цены, которую приходится платить за те или иные решения, мы используем удачное, на наш взгляд, понятие “экзистенциальный расчет”, предложенное Г.В. Иванченко [5]. Г.В. Иванченко связывает экзистенциальный расчет с внутренней деятельностью анализа и прогнозирования возможных последствий, разворачивающейся в зазоре между принятием решений и непосредственной реализацией выбора. Он сочетает в себе осознаваемые и неосознаваемые компоненты и характеризуется парадоксальностью: “Он нередко идет вразрез с жизненной логикой, с необходимостями существования индивида” [там же, с. 56]. В качестве иллюстраций этой парадоксальности Г.В. Иванченко приводит афоризм С.Е. Леца: “Не спрашивай Бога, как попасть на небо. Всегда укажет самый трудный путь”, – и название романа М. Кундеры “Невыносимая легкость бытия”. «Экзистенциальный расчет – своего рода метарасчет, производимый “над” жизненными реалиями....Это...

решение уравнений со столь многими неизвестными, что сама возможность ответа кажется чудом» [там же].

В согласии с этими формулировками, мы определяем экзистенциальный расчет как *осознание цены, которую субъект платит за совершаемый выбор* в тех случаях, когда эта цена осознается и принимается им. Главным в этом понятии нам видится идея множественности “валют”, в которых может определяться цена тех или иных выборов. Наиболее характерные ошибки экзистенциального расчета связаны с тем, что учитывая последствия, измеряемые в одних “валютах”, человек остается слепым к последствиям, измеряемым в других “валютах”.

На основании обобщения опыта практических житнетворческих мастерских по проблеме экзистенциального расчета можно выделить следующие основные ценностные контексты, или “валюты”, значимые с точки зрения цены совершаемых выборов и их последствий, в терминах “траты” или “прироста” которых могут быть оценены любые решения.

1. Ресурсы. К ним относятся, в первую очередь, деньги и другие материальные ценности, а также время, здоровье, силы. Эти “валюты” наиболее очевидны, в последнее время в основном признана их определенная взаимозаменяемость, в том смысле, что одни из них должны быть израсходованы на приобретение, экономию либо восстановление других. Чтобы заработать деньги, надо тратить время и силы, чтобы укрепить силы и здоровье – тратить время, свободное время требует денежных расходов или снижения доходов. За все надо платить, особенно за деньги.

2. Знания и умения. Эта “валюта” несколько менее распространена, но она имеет иную природу: ее “запасы” могут только увеличиваться, а при вложении знаний и умений в достижение какого-либо результата субъект не только не теряет ничего, но и наоборот: уровень знаний и умений имеет тенденцию расти при их применении. Лишь при длительном перерыве в использовании их уровень снижается, однако может быть во многих случаях восстановлен. Потому в некотором смысле это самая устойчивая из “валют”.

3. Отношения и репутация. Как глубинные отношения с близкими людьми, так и социальная поддержка и связи в более широком социуме представляют самостоятельную ценность; ради их сохранения и укрепления человек может платить немалую цену, и наоборот – приносить их в жертву ради чего-то значимого. Учет интересов других людей важен для того, чтобы другие также

считались с нашими интересами. Как и во всех остальных случаях, вопрос о том, что ценнее, не имеет общего ответа. Истина может быть дороже друга, но может быть и наоборот – смотря какая истина, смотря какой друг, смотря какой субъект.... “Как хочется разойтись с хорошим впечатлением друг о друге. Это очень недальновидно” [4, с. 85].

4. Возможности. Как показал М.Н. Эпштейн [35], в современном мире возможности представляют самостоятельную ценность, в том числе, имеют рыночную цену во многих областях бизнеса. За увеличение возможностей мы часто готовы заплатить любыми другими “валютами”, и наоборот, сужение возможностей на какое-то время есть частая плата за обретение определенности через совершение выбора.

5. Самоотношение. Определенные выборы, как это показал еще С. Кьеркегор [см. выше] могут приводить к укреплению внутренней гармонии, согласованности и самоуважения, в то время как другие выборы, приносящие выгоду в иных “валютах”, требуют нарушения согласия с самим собой и поэтому в долгосрочной перспективе “не окупаются”. Речь идет, прежде всего, о ситуациях нравственного выбора. Строго говоря, ощущение внутренней цельности и гармоничности выбора выступает основным субъективно-психологическим индикатором нравственной составляющей выбора. Однако не следует думать, что такого рода экзистенциальный расчет обнаруживается только в критических, переломных ситуациях. Соблюдение законов и социальных норм в повседневных ситуациях, в которых вероятность обнаружения проступка и наказания за него минимальна, мотивируется преимущественно потребностью в сохранении непротиворечивой и позитивной Я-концепции. Внутренний конфликт в этих случаях не стоит тех денег, которые можно сэкономить. Понятно, что соблазн растет по мере роста ставок, то есть размера выгод, которые могут быть получены ценой разрыва со своим лучшим Я; в этом случае экзистенциальные расчеты приобретают зримый облик.

Эти “валюты” несводимы друг к другу, и курс их по отношению друг к другу (то есть сравнительная ценность) является индивидуальным и “плавающим”, он меняется не только от индивида к индивиду, но и с течением времени. Поэтому, строго говоря, никакой расчет невозможен; практический смысл идеи экзистенциального расчета заключается в том, чтобы довести до осознания “мультивалютность” цены решения и неизбежность личной ответственности за любой выбор.

Однозначное предпочтение любого из ценностных контекстов за счет других разрушительно. Представьте себе человека, который “продал душу” за успех в бизнесе и берет одну высоту за другой: он и его семья живут в сказочных условиях, однако межличностные отношения служат лишь разменной монетой в достижении успеха, а на развитие своего внутреннего мира у него просто нет времени. И представьте другого, который не обращает внимания на мирские соблазны, целыми днями занимается чтением философских трудов и медитативным самосовершенствованием, в то время как его семья живет впроголодь. И в том, и в другом случае в экзистенциальных расчетах учитываются лишь одна-две из “валют”, а остальные игнорируются; и в том, и в другом случае налицо односторонность и редукционизм. В этом смысле хороший экзистенциальный расчет основан на учете максимального количества ценностных контекстов.

То, что в практической жизненной ситуации предстает перед нами как вопрос о цене выбора, является частным случаем вопроса о смысле. Ведь смысл любого действия определяется его контекстом, который может быть многогранным; одни и те же действия имеют разный смысл в зависимости от того, в какой контекст рассмотрения мы их помещаем (см. [14]). Под этим углом зрения экзистенциальный расчет представляет собой максимально полное восстановление всего множества контекстов, в которых данный выбор имеет тот или иной смысл. В отличие от смыслового выбора, когда стоит задача интеграции разных альтернатив в едином контексте, в ситуации экзистенциального выбора сравнение различных желаний и альтернатив в общем контексте невозможно в принципе, и решается иная задача – достижения максимально полного осознания множественности контекстов, чтобы вне рамок рационального сравнения определить, в какую из альтернатив субъект готов ответственно вложить себя. Если удастся восстановить относительную полноту смысловых контекстов, удастся и удовлетворительно ответить на вопрос о цене выбора. Тогда выбор становится личным и осознанным, субъект осознанно принимает риск и ответственность за последствия, включая непредвиденные. “Наука может помочь нам стать более умелыми в выборе, но по своей сути выбор остается искусством. Чтобы извлечь из него максимум, мы должны объять неопределенность и противоречивость.... Мы не можем полностью исчислить его. В этом заключена его сила, его тайна и его неповторимая красота” [37, с. 268].

Важно учитывать не только цену тех или иных принимаемых решений, но и затраты на сам процесс осуществления деятельности выбора. Американский психолог Б. Шварц [34] в своих последних работах на материале потребительского поведения и некоторых других ситуаций обнаружил, что часто развёрнутая интеллектуальная деятельность при принятии решения невыгодна, поскольку интеллектуальные, временные и энергетические затраты на эту сложную деятельность оказываются больше, чем выигрыш, который мы получаем в результате того, что выбор становится более совершенным, более точным. Бывают принципиальные вопросы, где цена ошибки велика, – это вопросы, связанные с принятием серьёзных жизненных решений: об изменении семейного положения, профессии, работы, места жительства и др. Однако помимо них есть множество ситуаций, в которых проще свернуть эту деятельность выбора, признать, что мы сделаем несовершенный выбор, но не тратить ограниченные ресурсы на заведомо малозначимые ситуации. Б. Шварц констатирует, что важно понимать не только то, как именно делать выбор, но и то, когда его делать всерьёз, вдумчиво анализируя все альтернативы, а когда оптимальнее делать его максимально упрощенно, на основе поверхностного анализа и оценки. Им были описаны два типа людей: “максимизаторы”, которым важно во всех ситуациях собрать всю информацию, и “оптимизаторы”, отличающиеся более рациональной тактикой и стратегией выбора и учитывающие ту цену, которую необходимо платить за полноценность своего решения. Они стараются минимизировать свои затраты на этот процесс, и в конечном итоге обычно оказываются в выигрыше [там же].

ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ГОТОВНОСТЬ К ВЫБОРУ

Из сказанного следует, что во многих сложных жизненных ситуациях нельзя говорить о правильном и неправильном выборе. Главное не столько то, что именно мы выбираем, сколько то, как мы это делаем. Можно говорить о хорошем и плохом выборе. Человек делает хороший выбор, если делает его правильным образом, независимо от того, какое решение он принимает. Основной, если не единственный, критерий, отличающий выбор, который можно называть хорошим, от выбора, который можно называть плохим, связан с моментом принятия ответственности за свой выбор. Если нельзя рационально рассчитать, какой вариант поведения будет заведомо правильным,

остаётся только действовать на свой страх и риск и брать на себя ответственность за последствия.

Таким образом, ключевой характеристикой процесса выбора является не его итог – принятие того или иного решения – а степень личностной включенности самого субъекта в совершение выбора и его последующее осуществление. Другими словами, важно не то, ЧТО человек выбирает, а то, КАК он это делает – качество деятельности выбора. Если выбор сделан продуманно и уверенно, если субъект признает и не пытается вытеснить неизбежную неопределенность, он принимает на себя ответственность и будет продолжать вкладывать себя в его дальнейшую реализацию. Если выбор сделан вынужденно, бездумно и оставил неприятный осадок, то мало оснований рассчитывать в дальнейшем на верность принятому решению.

Нами была поставлена задача разработать методику анализа отношения к своему выбору, выделить основные его параметры. Для этого был составлен большой набор биполярных шкал, описывающих разные аспекты отношения к выбору, который был апробирован в ряде исследований на материале разных ситуаций выбора: выбор вуза абитуриентами, решение об участии или неучастии в выборах в местные органы власти и выбор брачного партнера. В результате факторного анализа и сравнения данных были выделены четыре сравнительно инвариантных параметра отношения к своему выбору, три из которых характеризуют сам процесс, а один – принятое решение: (1) продуманность выбора или его спонтанность; (2) бесконфликтная эмоционально положительная или амбивалентная окраска; (3) самостоятельность или вынужденность выбора и (4) удовлетворенность или неудовлетворенность принятым решением (см. [19]). Насколько позволяют судить имеющиеся данные, положительные значения всех названных параметров свидетельствуют о принятии ответственности за выбор, в то время как отрицательные полюса этих параметров свидетельствуют о выборе, не принятом полностью его субъектом. Объектом диагностики, на который нацелена описанная методика субъективного качества выбора (СКВ), выступает сложное образование, которое мы обозначили как *субъективное конструирование выбора*.

Необходимость во введении этого понятия возникла, когда ряд исследований привели к осознанию того, что когнитивная репрезентация ситуации выбора, эмоциональное отношение к ней и способ деятельного включения или невключения субъекта в осуществление выбора (в частности,

принятие или отрицание ответственности за его совершение) представляют собой грани единого сложного отношения и могут рассматриваться как его, соответственно, когнитивное, аффективное и деятельное измерения. Мы исходим из того, что параметры субъективного конструирования выбора опосредуют реакции субъекта на эту ситуацию, по сути, он находится не столько в объективной ситуации выбора, сколько в такой ситуации выбора, которая сконструирована им самим. Аналогичные идеи высказываются и зарубежными исследователями: “В сущности, восприятие субъектом выбора, возможно, связано не столько с наличием или отсутствием выбора, сколько с той конструкцией (*framework*) выбора, которую выбирающий привносит в ситуацию” ([38, с. 151]. Частным случаем этого выступают подробно рассмотренные в предыдущей статье особенности социокультурного конструирования ситуаций выбора или его отсутствия.

Характеристики выбора, может быть, лучше, чем что-либо еще, отражают зрелость личности: “Мы судим о человеке, каков он, на основании его выбора” ([1, с. 73]). Однако всегда ли человек, которому приходится что-то выбирать, является реально субъектом выбора, психологически готов к тому, чтобы делать самостоятельный продуманный выбор, учитывая его последствия для собственной судьбы? Отрицательный ответ очевиден, как очевиден и широкий спектр различий индивидов в том, насколько они в состоянии делать личный выбор, за последствия которого готовы отвечать. Еще П. Жане констатировал: “Выбор предполагает множество предшествующих операций и вполне удастся только взрослому” [3, с. 20]. Поэтому представляется крайне важным ввести индивидуально-психологическую переменную “*готовность к выбору*”. Готовность к выбору мы понимаем как комплексную индивидуально-психологическую характеристику личности, отражающую ее способность делать значимые выборы осознанно, самостоятельно, с осмыслением возможных последствий и принятием на себя ответственности и риска.

Готовность к выбору формируется в процессе индивидуального развития и прямо связана со становлением *личностного потенциала*. Под личностным потенциалом (см. [10, 13]) мы понимаем системную организацию личностных структур, отвечающих за успешную саморегуляцию отношений личности с миром, включая ориентацию в пространстве возможных целей, успешную реализацию намеченного и сохранение устойчивости в условиях внешних давле-

ний и других неблагоприятных обстоятельств. Это то, что принято называть “*стержнем*” или “*каркасом*” личности. В частности, к ключевым характеристикам относятся самодетерминация, жизнестойкость, ориентация на действие и самоэффективность. Эти личностные характеристики отражают склонность личности принимать риск и искать основание для принятия решения в самой себе, а не следовать внешним “подсказкам” и не стремиться уйти от выбора вообще. Личностный потенциал включает в себя три подсистемы: потенциал самоопределения, в котором выражается способность субъекта действовать в условиях неопределенности, в частности, самостоятельно ставить себе цели в условиях множественности альтернатив; потенциал достижения, в котором выражается способность успешного достижения уже имеющейся цели; и потенциал сохранения, в котором выражается способность субъекта противостоять внешним давлениям, сохраняя свою целостность и направленность активности [15, 16]. Очевидно, что готовность к выбору выступает интегральной характеристикой потенциала самоопределения [18].

Связь характеристик выбора с личностными особенностями, занимающими центральное место в структуре личностного потенциала, получила экспериментальное подтверждение в специальном исследовании [17, 25, 26], направленном на проверку гипотезы “экзистенциальной дилеммы”. Согласно этой гипотезе, сформулированной в теории американского психолога С. Мадди [23], во всех выборах, которые мы делаем, мы стоим перед альтернативой выбора прошлого, неизменности, статуса-кво или выбора будущего, неизвестности, причем выбор будущего расширяет наши возможности найти смысл, а выбор прошлого их сужает. В нашем исследовании группе студентов на занятиях предложили разойтись по двум аудиториям, причем в одной из них им предстояло заниматься известным, привычным делом, а что ждет в другой, им не сообщили. После этого и те, и другие формулировали аргументы в пользу своего выбора и заполняли ряд личностных опросников. По результатам все они разделились на три группы: у большинства выбор был случайным, ситуативным, без особых причин, и примерно по 20% сделали осознанный, осмысленный выбор неизменности либо неизвестности. Сравнение личностных особенностей студентов этих групп обнаружило крайне яркие, радикальные отличия группы выбравших неизвестность от остальных по целому ряду очень важных параметров: более высокой осмысленности жизни, толерантности к неопределенности, автономии, жизнестойкости,

оптимизму и самооффективности. Таким образом, осознанный выбор “идти туда – не знаю куда”, способность принимать неопределенность будущего и риск как нечто естественное оказывается одной из центральных характеристик личности. В последующих исследованиях [20, 31, 32] было эмпирически доказано существование двух структурных паттернов выбора, обнаруживающихся в однородных ситуациях. Один из них – автономный, или субъектный, выбор – представляет собой развернутую внутреннюю деятельность самоопределения, тогда как второй – спонтанный выбор – представляет собой свернутую, редуцированную ее форму. Было показано, что оба эти типа связаны с устойчивыми характеристиками личности, причем субъектный тип выбора связан с более выраженными характеристиками личностного потенциала, чем спонтанный. Интересно, что с личностными характеристиками сильнее связаны выборы повседневного уровня, чем судьбоносные выборы [32].

Вместе с тем личностный потенциал развивается не в безвоздушном пространстве; будучи предпосылкой готовности к выбору, он сам испытывает на себе влияние совершаемых выборов или уклонения от них, ведь субъект не только принимает то или иное решение, но и сталкивается на опыте с его последствиями. Его составляющие формируются неравномерно и неодинаково успешно, что оставляет поле для психологической и педагогической работы. Очень важно сформировать у человека способности к “извлечению жизненных уроков”, осмыслению связи последствий с тем выбором, который он сделал, для приобретения уверенности в себе и реального восприятия жизненных ситуаций. Выбор, сделанный за нас родителями, учителями, начальниками и др., даже если он учитывает большое количество факторов, приведет к психологически неоднозначным последствиям, если он не будет принят и пережит нами как собственный выбор. Поддержка личностного развития со стороны родителей, учителей и психологов, особенно в подростковом возрасте, решающем для становления самодетерминации и выбора, должна быть направлена на развитие у самого подростка готовности к выбору, а не на ее подмену навязыванием готовых решений, пусть даже “оптимальных”. “Стать экспертом во всех сферах выбора невозможно, но мы можем стать экспертами в процессе выбора, учась использовать опыт других для совершенствования собственного выбора и познания выбора” [37, с. 211] (курсив наш – Д.Л.).

На сегодняшний день имеются многочисленные экспериментальные данные, подтверждаю-

щие благотворность поддержки автономии в детском возрасте и наоборот – большой вред от ограничения возможности детей делать выбор самостоятельно [36]. Одной из центральных задач практической психологии развития является диагностика, формирование и поддержка готовности к самостоятельному и ответственному выбору.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема выбора является не чисто академической, а в первую очередь жизненной проблемой, имеющей отношение как к повседневной жизни людей, так и к переломным моментам их биографии. Мы наблюдаем широкий спектр отношения людей к собственному выбору: от стремления избежать его, не задумываться о нем и делегировать его другим людям до принятия на себя ответственности и осознания всего многообразия возможностей и непредсказуемости исходов. Такой же широкий спектр вариантов можно наблюдать и в отношении к выбору со стороны психологической науки: от редукционистских моделей, отрицающих специфику выбора и сводящих его к более простым процессам, до сложных моделей, стремящихся охватить выбор во всей его полноте и цветущей сложности.

В данной и предыдущей статье мы стремились по возможности полно охватить современное состояние проблемы выбора. Если в первой статье речь шла о том, как процессы выбора выступают в контексте сознания и деятельности, то в этой статье на первый план вышло соотношение выбора с личностью. Отталкиваясь от философских взглядов С. Кьеркегора, мы пришли к пониманию того, что не только личность определяет выбор, но и выбор определяет личность. Невозможность отнестись к ситуации сложного выбора как к рациональной задаче, имеющей объективно правильное решение, выдвигает на передний план экзистенциальную проблему принятия ответственности за выбор и его последующего действенного подтверждения. В зависимости от этого одна и та же по своим объективным характеристикам ситуация выбора может конструироваться субъектом или как ситуация личного, ответственного выбора, характеризующегося личностной вовлеченностью и принятием неопределенности, или как ситуация безличного выбора, сопряженного лишь с нахождением правильного ответа на вопрос, но не с вкладыванием субъектом себя. Предпосылкой (но не гарантией) личностного отношения к выбору выступает индивидуальная психологическая готовность к выбору – сформированность и

зрелость личностных характеристик, без которых человек не может выступать полноценным субъектом ответственного личностного выбора. Готовность к выбору является одной из важнейших составляющих личностного потенциала.

На сегодняшний день проблематика психологии выбора уже обнаружила свою многогранность и значимость и находится на подъеме. Вместе с тем ее потенциал реализован далеко еще не в полной мере, и можно ожидать, что в ближайшие десятилетия значимость исследований выбора и их вклад в решение общепсихологических проблем будет только расти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Евдемова этика. М.: Институт философии РАН, 2005.
2. *Джемс У.* Научные основы психологии. Мн.: Харвест, 2003.
3. *Жане П.* Психологическая эволюция личности. М.: Академический проект, 2010.
4. *Жванецкий М.* Собрание произведений. Т. 1. Шестидесятые. М.: Время, 2001.
5. *Иванченко Г.В.* К определению понятия “экзистенциальный расчет” // I Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений / под ред. Д.А. Леонтьева, Е.С. Мазур, А.И. Сосланда. М.: Смысл, 2001. С. 54–57.
6. *Кьеркегор² С.* Наслаждение и долг. К.: AirLand, 1994.
7. *Корнилова Т.В.* Психология риска и принятия решений. М.: Аспект-пресс, 2003.
8. *Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А.* Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.
9. *Кундера М.* Невыносимая легкость бытия. СПб.: Амфора, 2001.
10. *Леонтьев Д.А.* Личностный потенциал как основа самодетерминации // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Выпуск 1 / Под общ. ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 56–65.
11. *Леонтьев Д.* Феномен ответственности: между недержанием и гиперконтролем // Экзистенциальное измерение в консультировании и психотерапии. Т. 2. Бирштонас; Вильнюс: ВЕАЭТ, 2005. С. 7–22.
12. *Леонтьев Д.А.* Выбор // Большая Российская Энциклопедия. Т. 6. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2006. С. 103–104.
13. *Леонтьев Д.А.* Личностный потенциал как потенциал саморегуляции // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, вып. 2 / Под ред. Б.С. Братуся, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2006. С. 85–105.
14. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла. 3-е изд. М.: Смысл, 2007.
15. *Леонтьев Д.А.* Личностный потенциал как потенциал саморегуляции // Личностный потенциал. Структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 107–130.
16. *Леонтьев Д.А.* Промежуточные итоги: от идеи к концепции, от переменных к системной модели, от вопросов к новым вопросам // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 669–675.
17. *Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю.* Моделирование “экзистенциальной дилеммы”: эмпирическое исследование личностного выбора // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2005. № 4. С. 37–42.
18. *Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю., Рассказова Е.И., Фам А.Х.* Личностный потенциал в ситуации неопределенности и выбора // Личностный потенциал. Структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 511–546.
19. *Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю., Фам А.Х.* Разработка методики диагностики процессуальной стороны выбора // Психологическая диагностика. 2007. № 6. С. 4–25.
20. *Леонтьев Д.А., Фам А.Х.* Как мы выбираем: структуры переживания собственного выбора и их связь с характеристиками личности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 1. С. 39–53.
21. *Лефевр В.А.* Алгебра совести. М.: Когито-центр, 2003.
22. *Лефевр В.А.* Рефлексия. М.: Когито-центр, 2003.
23. *Мадди С.* Смыслообразование в процессах принятия решения // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 6. С. 87–101.
24. *Мамардашвили М.К.* Психологическая топология пути. М.: РХГИ, 1997.
25. *Мандрикова Е.Ю.* Виды личностного выбора и их индивидуально-психологические предпосылки: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2006.
26. *Мандрикова Е.Ю., Леонтьев Д.А.* Смысловые основания выбора и их альтернативы: фактичность прошлого или возможность будущего // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла): материалы международной конференции / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2005. С. 151–157.

² Вариант транскрипции фамилии *Kierkegaard*. Более распространенная транскрипция на русский язык – Кьеркегор (Прим. ред.).

27. Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М.: Наука, 1987.
28. Наумова Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М.: Наука, 1988.
29. Петровский В.А. Уровень трудности задачи: мета-имплицативная модель мотивации выбора // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 6–22.
30. Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.
31. Фам А.Х., Леонтьев Д.А. Субъективное конструирование выбора в ситуациях разного уровня значимости (Часть 1) // Вестник Моск. ун-та. Серия 14. Психология. 2013. № 1. С. 84–96.
32. Фам А.Х., Леонтьев Д.А. Субъективное конструирование выбора в ситуациях разного уровня значимости (Часть 2) // Вестник Моск. ун-та. Серия 14. Психология. 2013. № 2. С. 93–105.
33. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. 2-е изд. СПб: Питер; М.: Смысл, 2003.
34. Шварц Б. Парадокс выбора: Почему “больше” значит “меньше”. М.: Добрая книга, 2005.
35. Энтитейн М.Н. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001.
36. Deci E., Flaste R. Why We Do What We Do: Understanding Self-motivation. N.Y.: Penguin, 1995.
37. Iyengar S. The Art of Choosing. N.Y.: Twelve, 2010.
38. Iyengar S.S., DeVoe S.E. Rethinking the Value of Choice: Considering Cultural Mediators of Intrinsic Motivation // Nebraska Symposium on Motivation. V. 49. Cross-Cultural Differences in Perspectives on the Self. Lincoln (NB): University of Nebraska Press, 2003. P. 129–174.
39. Khan U., Dhar R. Where There Is a Way, Is There a Will? The Effect of Future Choices on Self-control // Journal of Experimental Psychology: General. 2007. V. 136(2). P. 277–288.

PSYCHOLOGY OF CHOICE. II. PERSONALITY PREREQUISITS OF CHOICE AND ITS PERSONALITY-RELATED CONSEQUENCES

D. A. Leontiev

*Dr.Sc., Professor of psychology, Lomonosov Moscow State University,
Head of International research laboratory of positive psychology of personality and motivation,
NRU Higher School of Economics, Moscow*

The paper continues the theoretical analysis of the modern state of the problem of choice in psychology. The relationships between choice and personality are analyzed in two aspects: first, the impact of existential choice at personality transformations and second, the impact of personality variables at the opportunities of choice implementation and at its quality. Based on Kierkegaard's and Lefebvre's ideas, self-determined character of existential choice's processes is shown. This type of choice doesn't give in to a causal explanation and isn't brought out of individual and psychological features. The detailed analysis of an existential choice relying on concepts of opportunity, responsibility and the price is submitted. In summary offered model of a choice fits into a context of the author's concept of personal potential; the concept of readiness for a choice as the integrated personal prerequisite providing possibility of full activity of a choice is entered.

Key words: choice, personality, freedom, price, existential accounting, construction, personality potential.